

Нарком боеприпасов Б. Ванников **«Доставлен из тюрьмы»**

В первых числах июня 1941 года, за две с половиной недели до начала Великой Отечественной войны, я был отстранен с поста Наркома вооружения СССР и арестован. А спустя менее месяца после нападения гитлеровской Германии на нашу страну мне в тюремную одиночку было передано указание И. В. Сталина письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшихся военных действий.

Обстановка на фронте мне была неизвестна. Не имея представления о сложившемся тогда опасном положении, я допускал, что в худшем случае у наших войск могли быть небольшие местные неудачи и что поставленный передо мной вопрос носит чисто профилактический характер. Кроме того, в моем положении можно было лишь строить догадки о том, подтвердило или опровергло начало войны те ранее принятые установки в области производства вооружения, с которыми я не соглашался. Поэтому оставалось исходить из того, что они, возможно, не оказались грубыми ошибками, какими я их считал.

Конечно, составленную мною при таких обстоятельствах записку нельзя считать полноценной. Она могла быть значительно лучше, если бы я располагал нужной информацией.

Так или иначе, записка, над которой я работал несколько дней, была передана И. В. Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привезли к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка была внимательно прочитана. В присутствии В. М. Молотова и Г. М. Маленкова Сталин сказал мне:

— Ваша записка — прекрасный документ для работы наркомата вооружения. Мы передадим ее для руководства наркомату вооружения.

В ходе дальнейшей беседы он заметил:

— Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...

После описанного события прошло несколько месяцев. В течение этого времени я работал сначала в наркомате вооружения, потом выполнял задания Государственного Комитета Обороны, касавшиеся производства боеприпасов к зенитным орудиям и восстановления эвакуированных в глубь страны артиллерийских заводов, а в начале февраля 1942 года был назначен наркомом боеприпасов.

...Об артиллерии и артиллерийской промышленности И. В. Сталин, мне казалось, проявлял наибольшую заботу.

Правда, он уделял много внимания всем отраслям оборонного производства. Например, авиационной промышленностью он занимался повседневно. Руководивший тогда этой отраслью А. И. Шахурин бывал у него чаще всех других наркомов, можно сказать, почти каждый день. Сталин изучал ежедневные сводки выпуска самолетов и авиационных двигателей, требуя объяснений и принятия мер в каждом случае отклонения от графика, подробно разбирал вопросы, связанные с созданием новых самолетов и развитием авиационной промышленности. То же самое можно сказать о его участии в рассмотрении вопросов работы танковой промышленности и военного судостроения.

Но при всем этом в отношении Сталина к артиллерии и артиллерийской промышленности чувствовалась особая симпатия. Возможно, что это было связано с его воспоминаниями о своей прошлой военной деятельности, когда только артиллерия решала исход боев, а все другие виды техники не достигли еще столь высокой степени развития, какое они получили перед Второй мировой войной. И. В. Сталин выразил свое отношение к артиллерии, повторив крылатую фразу: «Артиллерия — бог войны»...

...К моменту нападения гитлеровской Германии на нашу страну Красная Армия была вооружена самой лучшей артиллерией, превосходившей по боевым и

эксплуатационным качествам западноевропейскую, в том числе и германскую.

Классической для того времени была 76-миллиметровая пушка, созданная Героем Социалистического Труда конструктором В. Г. Грабиным. Немцы считали эту пушку образцом для артиллерийских систем такого калибра. В танковом варианте она пробивала броню немецко-фашистских танков на значительно больших дистанциях, нежели могли это сделать их пушки в отношении наших танков.

...Мобилизационная готовность кадров, говорил Сталин, нужна не только для военных заводов, а и для всей промышленности; в военное время вся промышленность будет военной, и она должна быть к этому подготовлена. Оборонные же наркоматы, продолжал он, должны отвечать за мобилизационную готовность и невоенных заводов. Далее он разъяснил, что и с созданием трудовых резервов оборонные наркоматы и заводы будут нести ответственность за работу ФЗУ, ранее находившихся в их системе, оказывать им помощь оборудованием, инструментом, материалами, инструкторскими кадрами и всем необходимым.

Жизнь, как известно, полностью подтвердила правильность создания общегосударственной системы подготовки трудовых резервов, сыгравшей важную роль в дальнейшем развитии промышленности, в том числе и оборонной.

Иначе сложилась история другого предвоенного закона, направленного на борьбу с текучестью рабочей силы.

Дело в том, что третий пятилетний план предусматривал значительные темпы роста производственных мощностей за счет строительства новых заводов, расширения и реконструкции действующих. Прирост выпуска всей промышленной продукции должен был достигнуть 92 процентов, а в машиностроении и металлообработке еще более высокого показателя — 129 процентов. Темпы же подготовки рабочих, особенно квалифицированных, а также инженеров, техников и хозяйственников не обеспечивали новых потребностей.

Образовался разрыв, промышленности не хватало кадров, а это наряду с другими причинами создавало благоприятную почву для текучести. Недостаток квалифицированных производственных руководителей восполняли за счет неопытных работников, поэтому на заводах, особенно на новых, были различные производственные и организационные неполадки, а также простои и даже аварии. Наконец, плохо обстояло с материальной заинтересованностью и другими стимулирующими условиями, в результате заработок рабочих был неустойчивым. Все это также вызывало текучесть рабочей силы и массовые прогулы, принимавшие угрожающий характер.

Установленные для артиллерийских и пулеметно-оружейных заводов льготы создали на этих предприятиях довольно благоприятные условия. Кадры здесь стали более стабильными, хотя в конечном итоге и их могла захватить текучесть. Другие же предприятия остальных наркоматов были в худшем положении: на тех заводах люди часто менялись, много было прогулов.

Наркомы неоднократно обращались к И. В. Сталину и другим руководителям партии и правительства с предложением издать закон, направленный на борьбу с прогулами и текучестью рабочей силы. Сталин отвечал, что для этого нужны не особые законы, а повышение качества технического и хозяйственного руководства. Он потребовал от всех наркомов и директоров предприятий улучшения их работы. Но масштабы текучести, прогулов, нарушений производственной дисциплины не сократились. Этому, несомненно, способствовало и то, что ситуация 1937–1938 годов резко отразилась на престиже руководителя — мастера, начальника участка, цеха и даже директора завода. Одних постановлений о повышении их роли и ответственности было уже недостаточно для укрепления производственной дисциплины.

В 1940 году Центральный Комитет партии принял более решительные меры. Был подготовлен проект закона о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с работы. При обсуждении его на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) присутствовали и

наркомы — члены ЦК. Обращаясь к ним, И. В. Сталин сказал, что такой закон — вынужденная мера, вызванная прежде всего неспособностью руководителей наркоматов и заводов добиться стабильности кадров и укрепления производственной дисциплины.

Этот упрек был в значительной мере заслуженным. Поэтому мы, наркомы, хотя и были рады опубликованному 26 июля 1940 года Указу Президиума Верховного Совета Союза ССР, запрещающему самовольный уход рабочих и служащих с заводов, в то же время испытали горечь и неудовлетворенность своей работой, увидели в ней немало серьезных упущений. И долго еще это ощущение вины не покидало нас, в чем мы откровенно признавались друг другу при встречах. Как и мои коллеги, ныне покойные В. А. Малышев, А. И. Ефремов, И. Ф. Тевосян, В. В. Вахрушев, я отчетливо понял, что наше умение руководить нужно непрестанно совершенствовать и что ключом к решению всех задач производства является забота о людях, создание благоприятных условий для их труда.

...Исторические решения и повседневная помощь партии в подготовке квалифицированных кадров, образование государственных трудовых резервов, вовлечение женщин в производство и борьба с текучестью способствовали созданию в нашей стране такого крепкого и устойчивого тыла, который обеспечил в годы Великой Отечественной войны все необходимые условия для Победы. Женщины и подростки во время войны заняли место мужчин, ушедших на фронт. Заменяя на производстве своих мужей, братьев и отцов, они в исключительно тяжелых условиях с честью выполнили трудную, ответственную задачу по снабжению фронта всем необходимым.

Что касается высококвалифицированных кадров оборонной промышленности, то только благодаря тому, что они были созданы в довоенное время, стало возможным в небывало короткие сроки, в течение нескольких месяцев, не только восстановить эвакуированные заводы, но и значительно увеличить выпуск продукции. Без таких опытных, отлично знающих дело людей мы не смогли бы это сделать даже и в том случае, если бы у нас было больше оборудования.

Я не сомневаюсь, что эта огромная деятельность партии была бы еще более плодотворной, если бы И. В. Сталин, сформулировав лозунг «Кадры решают все», не допустил в то же время массового истребления кадров квалифицированных руководителей и специалистов, преданных Советскому государству. Эти репрессии, особенно в 1937–1938 годах, нанесли экономике страны большой ущерб, который смогли возместить лишь огромные жизнетворные силы, заложенные в социалистическом строе.

...И. В. Сталин уделял в предвоенные годы и особенно начиная с 1938 года большое внимание работам, связанным с созданием самозарядной винтовки (СВ). С присущей ему настойчивостью следил он за ходом конструирования и изготовления ее образцов. Высказывая недовольство медленными темпами работы, он не раз подчеркивал чрезвычайную необходимость иметь на вооружении нашей армии самозарядную винтовку. Говоря о ее преимуществах, высоких боевых и тактических качествах, он любил повторять, что стрелок с самозарядной винтовкой заменит десятерых, вооруженных обычной винтовкой. Кроме того, говорил Сталин, СВ сохранит силы бойца, позволит ему не терять из виду цель, так как при стрельбе он сможет ограничиться лишь одним движением — нажимать на спусковой крючок, не меняя положения рук, корпуса и головы, как это приходится делать с обычной винтовкой, требующей перезарядки патрона. Сталин считал очень важным, чтобы самозарядная винтовка могла производить до 20–25 выстрелов в минуту или примерно вдвое больше, чем винтовка образца 1891–1930 годов.

Первоначально намечали вооружить Красную Армию автоматической винтовкой, но потом остановились на самозарядной, позволяющей рационально расходовать патроны и сохранять большую прицельную дальность, что особенно важно для индивидуального стрелкового оружия.

Правда, с точки зрения конструирования и производства самозарядная винтовка

абсолютно такая же, как автоматическая, и отличается лишь тем, что требует нажатия на спусковой крючок при каждом выстреле. Автоматическая винтовка не нуждается в этом только потому, что имеет одну-единственную дополнительную деталь, называемую переводчиком и обеспечивающую непрерывную стрельбу. Выбрасывание же гильзы, подача нового патрона в ствольную коробку и продвижение его в ствольной коробке до положения готового к выстрелу происходит в обеих винтовках совершенно одинаково, причем и автоматическую можно использовать как самозарядную.

Отдавая предпочтение СВ, Сталин отмечал, что хочет исключить возможность автоматической стрельбы, ибо, как он говорил, в условиях боя нервное состояние стрелков толкнет большинство их на бесцельную непрерывную стрельбу, нерациональное расходование большого количества патронов. Исходя из этих соображений, он отклонил и предлагавшееся военными компромиссное решение — изготавливать и поставлять переводчик для автоматической стрельбы в качестве отдельной запасной детали.

В связи с этим мне вспоминается эпизод, относящийся, кажется, к 1943 году.

Однажды Сталин сказал мне по телефону, что получил от И. А. Булганина сообщение об одном фронтовике, который очень легко переделал самозарядную винтовку в автоматическую.

— Я дал указание, — сказал Сталин, — автора наградить за хорошее предложение, а за самовольную переделку оружия наказать несколькими днями ареста. Вам я звоню потому, что хочу послать сообщение товарища Булганина на ваше заключение. Вы прочтите и напишите ваше мнение.

Я был наркомом боеприпасов, а винтовки изготавливала промышленность вооружения. Но когда я напомнил об этом Сталину, он ответил:

— Хорошо помню, что вы теперь нарком боеприпасов, но я вам звоню не как наркому, а хочу знать именно ваше мнение.

Материал немедленно был мне доставлен. Просмотрев его, я пришел к выводу, что упомянутый фронтовик, как видно, работал раньше на винтовочном заводе и знал, что автоматическая и самозарядная винтовки — одно и то же, если не считать названной выше детали (переводчика). Приспособив ее к СВ, он и получил автоматическую винтовку.

В таком духе я ответил Сталину, и на этом дело закончилось. Но, сопоставляя данный случай с довоенными событиями, относящимися к истории создания самозарядной винтовки, я вижу, как быстро забывается то, над чем подчас долгое время ломают копья. Ведь когда обсуждался вопрос о том, какую создавать винтовку — автоматическую или самозарядную, все знали, что разница между ними только в одной небольшой детали. Но прошло несколько лет, и все было забыто.

...Из сказанного вытекало, что согласиться с военными означало совершить тяжелую и непростительную ошибку.

Но никакие доводы не были приняты во внимание. Напротив, пришлось выслушать немало резких упреков, и, как это ни странно, особенно напал на наркомат вооружения Н. А. Вознесенский, который в то время ведал оборонной промышленностью и, казалось, должен был знать хоть основную, главную суть вопросов. К сожалению, он ее не знал, хотя и был незаурядным человеком. В конце концов председатель комиссии заявил:

— Нам не нужны ваши устаревшие винтовки.

Окончательный вывод комиссии, который должен был в тот же день стать официальным постановлением, гласил: заказ дать только на самозарядные винтовки и поручить наркомату вооружения совместно с представителями наркомата обороны определить максимальное количество СВ, которое могут выпустить заводы в 1941-м и последующих годах.

Тут же мне было дано указание немедленно вызвать директора одного из оружейных заводов В. Н. Новикова и приступить к выполнению принятого комиссией решения.

В наркомате меня ждали мои заместители В. М. Рябиков и И. А. Барсуков. Узнав об

итогах заседания комиссии В. М. Молотова, они также сочли решение ошибочным и настойчиво высказались за то, чтобы я опротестовал его немедленно, пока оно еще не оформлено официальным постановлением. В. Н. Новиков же был настолько обескуражен предстоявшей ему задачей, что начал просить меня не издавать пока соответствующего приказа, как будто от этого что-нибудь зависело.

В. М. Рябиков и И. А. Барсуков возобновили атаки на меня. Когда же я обратил их внимание на состав комиссии и сказал, что жаловаться некому, В. М. Рябиков с той же настойчивостью предложил мне обратиться к Сталину.

Я не решался.

Тогда мои товарищи по работе убедили меня позвонить Н. А. Вознесенскому с тем, чтобы еще раз попытаться переубедить его. Но последний не пожелал ничего слушать и в грубой форме потребовал прекратить «саботаж и волокиту» и приступить к немедленному выполнению решения.

И тогда я все же позвонил И. В. Сталину. Подобно мне, В. М. Рябиков и И. А. Барсуков, остававшиеся рядом со мной, с волнением ждали, что ответит он на просьбу принять меня по вопросу о заказе на винтовки.

Сначала Сталин сказал, что уже в курсе дела и согласен с решением комиссии.

В. М. Рябиков и И. А. Барсуков знаками настаивали, чтобы я изложил по телефону свои доводы.

Сталин слушал. Потом он сказал:

— Ваши доводы серьезны, мы их обсудим в ЦК и через 4 часа дадим ответ.

Мы не отходили от телефона, ждали звонка.

Ровно через 4 часа позвонил Сталин. Он сказал: — Доводы наркомата вооружения правильны, решение комиссии товарища Молотова отменяется.

Источник: «Знамя», 1988, № 1. С. 133 138, 148, 154–155